

*Посвящается всем девушкам,
которые когда-либо боялись
принять свою тёмную сторону.*

Венди, от одной девочки
больше пользы, чем от двад-
цати мальчишек.

Дж. М. Барри
в переводе Н. Демуровой

ПРОЛОГ

Крокодил (Рок)

Путешествовать я предпочитаю с королевской семьёй — в целом, с любой.

Потому что королевские семьи всегда путешествуют в роскоши.

Члены королевской семьи Даркленда не исключение. Это один из самых богатых родов на Семи островах, денег они не жалеют. Но сами по себе попугачики из них дерьмовые. Хотя я всегда могу их трахнуть — тогда всё сразу налаживается.

Амара Ремальди, Её Королевское Высочество герцогиня Гордалл, младшая принцесса семьи Ремальди, находит меня в столовой по левому борту.

— Вот ты где! — радуется она, приближаясь.

Я вскрываю скорлупку арахиса, закидываю орех в рот, а очистки бросаю в ближайшую пепельницу.

Очевидно, Амара в восторге, что отыскала меня. Это слышно в её приподнятом мелодичном голосе.

Полагаю, такое настроение отчасти объясняется тем, насколько глубоко я засадил ей прошлой ночью. Придя ко мне тогда, она дрожала как осиновый лист.

Может, Амара и принцесса, но ей нравится, когда над ней доминируют, а мне — слушать лепет и мольбы королевских особ.

От этого чувствуешь себя моложе.

Я раскалываю ещё скорлупку и острыми зубами разгрызаю арахис. Амара вздрагивает.

— Что такое? — уточняю я.

— Жизель и Хольт интересуются, присоединишься ли ты к нам за ужином. — Она останавливается в нескольких футах от меня, сцепив руки за спиной. Одета она в чёрный — цвет Ремальди, на груди бархатной туники золотом вышит гербовый лев на задних лапах. По характеру Амара скорее воин, чем принцесса, она всегда предпочтёт дипломатии путь насилия, хотя никогда в жизни не видела настоящего поля боя.

На бедре у неё висит длинный меч. Рукоять инкрустирована рубинами-кабошонами, так что вряд ли его можно применить по назначению. Оружие для галочки, кричащая демонстрация богатства. Этот предмет словно говорит за своего владельца: «Я так богат, что даже меч, которым я не пользуюсь, сверкает и переливается».

— Твоя сестра просто хочет, чтобы я нагнул её, оттаскал за волосы и заставил почувствовать себя грязной шлюшкой.

Я временно оставляю арахис и, закурив, с комфортом раскидываю руки по спинке богато украшенного диванчика, привинченного к полу. Обеденный зал по левому борту предназначен для особых случаев — но я считаю себя особенным каждый день.

— Так ты собираешься? — переспрашивает Амара.

— Оттаскать твою сестру за волосы?

Она цокает языком. Ревнует меня ко всем, кого я трахаю при дворе.

— Нет. Прийти на ужин.

Я со вздохом откидываю голову на спинку диванчика.

— Не испытываю большого желания.

— Рок, — на «р» она почти мурлычет.

— Да?

Амара подходит вплотную и забирается ко мне на колени, седлая меня. Я чувствую, как жарко у неё между ног. Она устраивается у меня на бёдрах, кожа её новеньких сапог поскрипывает.

— Приходи на ужин, пожалуйста.

Ах, миленькая принцесса настойчиво просит.

Мало что может быть приятнее такой просьбы.

У Амары светлые волосы, как у всех членов её семьи, но кудрявые. Тем не менее она

их выпрямляет и большую часть времени носит заколотыми на затылке, чтобы не допустить слухов о своём происхождении.

Ни у кого из Ремальди нет кудрявых волос.

Только у капитана гвардии её отца.

И, естественно, ходили слухи о романе капитана с правящей королевой.

Я снова затягиваюсь сигаретой. Амара незамедлительно переводит взгляд на мой рот, пристально следит за тем, как я обхватываю губами папиросную бумагу, а в следующее мгновение выпускаю облако дыма и быстро втягиваю обратно.

У Амары невольно вырывается лёгкий вздох, и она подаётся ко мне, потираясь промежностью о мою ширинку.

Но я не в настроении.

Неверленд всё ближе, а час моей жажды и вовсе почти наступил.

— Приходи на ужин — и не пожалеешь, что напрасно потратил время. — Она опускает руку вниз, трогая меня.

Амара, очевидно, последняя в очереди на трон, хотя мне уже доводилось удивляться неожиданным наследникам. В конце концов, некогда я думал, что сейчас моей родиной будет править какой-нибудь лорнский принц — а потом мой маленький братишка выпотрошил всю тогдашнюю королевскую семью голыми руками. Вот это был сюрприз.

Но хотя при настоящем раскладе Амаре и не видать власти, по распущенности она способна дать фору кому угодно.

До всей нынешней чепухи мы проводили большую часть ночей в дарклендском квартале красных фонарей, трахаясь и накуриваясь до потери пульса.

— Подозреваю, что с тобой я не пожалею о потраченном времени вне зависимости от ужина, — откликаюсь я, делая ещё одну глубокую затяжку.

Бледные щёки Амары розовеют. Я слишком стар для неё, хотя мы выглядим ровесниками — оба плюс-минус лет на двадцать шесть.

Пожалуй, я слишком стар для половины людей, которых трахаю. Побочный эффект бессмертия.

— Сестра хочет убедиться, что ты попрежнему верен нам, — продолжает Амара, — и не проявишь слабость в деле, которое касается твоего брата.

Я вздыхаю.

— Мы с Вейном не разговаривали и не виделись годами. Здесь неоткуда взяться слабости.

Если бы Амара умела читать эмоции людей сквозь собственную похоть, она бы поняла, что я лгу.

Да, я злюсь на брата. Он выбрал Питера Пэна, а не меня. Но предам ли я его ради королевской семьи? Нет. Никогда в жизни.

Так что мне приходится соблюдать крайнюю осторожность, а виновата в этом королева фейри.

Ведь это она, призывая меня в Неверленд обещаниями раскрыть секреты Питера Пэна, отправила письмо во дворец, хотя прекрасно знала, что королевская семья перехватит послание и вмешается в дело. Они искали любую возможность отобрать Тень Смерти Даркленда у моего брата, только слишком его боялись, чтобы встретиться с ним в прямом столкновении.

Зато теперь они надеются, что его ужасный старший брат сделает за них всю грязную работу.

Но это, я полагаю, будет зависеть от того, какими секретами меня дразнит королева фейри.

Если они бесполезны, я найду, чем ещё себя занять.

Если же эти секреты имеют какую-то ценность...

Предполагаю, Вейну будет трудно решить, на чью сторону он встанет — мою или Питера Пэна. Но если у него возникнут такие трудности, я всё решу за него.

Я не ненавижу Пэна. Но и особой симпатии не испытываю.

Мы хорошо провели время в тот раз, когда отрезали Крюку руку в наказание за то, что он сделал.

Но давние хорошие времена куда менее весомы, чем подчинение и преданность.

Я никогда не мог контролировать Питера Пэна, ни напрямую, ни незаметно. И мне уж точно не приходится рассчитывать на его лояльность.

Что автоматически заставляет меня его недолюбливать.

— Приходи на ужин, — повторяет Амара, на этот раз почти умоляюще.

От этой занозы мне не избавиться, особенно учитывая, что я застрял с ней на одном грёбаном корабле.

— Хорошо.

Она обнажает в довольной улыбке блестящие зубы.

Я со стоном вытаскиваю карманные часы, проверяя время. Предупреждаю:

— Мне придётся уйти пораньше. Никаких возражений.

— О, эти твои часы... — Амара наклоняется, снова прижимается ко мне и тянется к моим губам своими, влажными и пухлыми.

Ладно, может, я и в настроении.

Свободной рукой я сгребая её за задницу.

Амара углубляет поцелуй, скользя языком вперёд, к моему.

У меня встаёт. Амара покачивает бёдрами, притираясь ко мне вплотную своей жаркой промежностью.

Сука.

И вдруг она исчезает.